

Весь 2014-й и начало 2015-го в Еманжелинской павленковской библиотеке прошли под знаком Книги Памяти. Ее издали к 60-летию Победы, а потом дополняли в составе сельской энциклопедии. Но война даже здесь, в тылу, отозвалась таким эхом, что Книга Памяти, считают еманжелинские краеведы, не будет завершена без рассказа о каждой семье, каждом человеке. В том числе и о ленинградцах, жителях и защитниках легендарного города.

Уральские ленинградцы

Даже сейчас, когда списки погибших и вернувшихся с войны практически выверены, число жителей района — участников битвы за северную столицу — можно назвать лишь примерно. Среди тех, чье место гибели в документах указано точно, 27 человек из Еманжелинки и деревень, относившихся к нашему сельскому совету. Однако на самом деле их было больше.

В 41–42 годах южноуральцев призывали в основном в Подмоскovie и к Ленинграду. Например, почти у всех новобранцев из Ключей (деревня долгое время входила в состав Еманжелинского сельсовета) в качестве места назначения стоит Ленинградский фронт. Еманжелинец Гавриил Гаврилович Саутин похоронен на Пискаревском кладбище, Евдоким Семенович Запорожец, который с 22 ноября 1934 года по 1937-й был председателем сельского совета, а затем работал заместителем председателя колхоза, тоже погиб, обороняя подступы к Ленинграду. Туда же из-под Москвы была переброшена часть Ивана Федоровича Юрина, чьи боевые трофеи до сих пор хранятся в школьном музее.

Под Ленинградом получил тяжелое ранение Иосиф Филиппович Ковальчук, один из трех еманжелинских ветеранов, встретивших 70-летие Победы. Перед войной он как раз успел отслужить в армии, защищал рубежи страны в Даурии, был кавалеристом. Вернулся в январе 1941-го, а 9 сентября этого же года его снова призвали, теперь уже на фронт. В Троицке формировалась 80-я кавалерийская дивизия. Иосифа Филипповича как бойца, умеющего сражаться в конном строю, отправили туда. Но конниками красноармейцы пробыли до первого боя.

Началась Сивинская операция, части советской армии пытались помешать немцам и финнам соединиться. Одна из атак была предпринята в районе станции Кириши. Неизвестно, почему именно кавалеристам, сильным на открытых пространствах, приказали штурмовать укрепленную станцию, но позже Иосиф Филиппович вспоминал: «Вооружены мы были очень слабо, винтовки и те имелись не у всех, боеприпасов было мало, берегли каждый патрон, лишнюю гранату — не брось. Наша артил-

лерия подготовку даст — мы наступаем, но потом нас ни авиация, ни артиллерия не поддерживают. А немцы обстреливают из всех видов оружия. От эскадрона после боя осталось человек семьдесят. Остатки бывшего кавалерийского полка передали в 25-й стрелковый полк, который перешел к обороне. А немцы все наступали и наступали... Страшно, что творилось. Забыть невозможно».

Дальше до самого ранения 25 октября 1942 года Ковальчук сражался пешим. Приходилось тяжело: не хватало ни боеприпасов, ни еды. Однако нехватка — это еще не полное отсутствие.

Дмитрий Иванович Никитин родом из Шеломенцева оказался в худших условиях. О нем рассказала учитель физики еманжелинской школы Татьяна Юрьевна Захарова, внучка Дмитрия Ивановича. По воспоминаниям родных, войну Дмитрий Иванович начал под Ленинградом. Части Красной армии с боями отступали к городу. Никитин был ра-

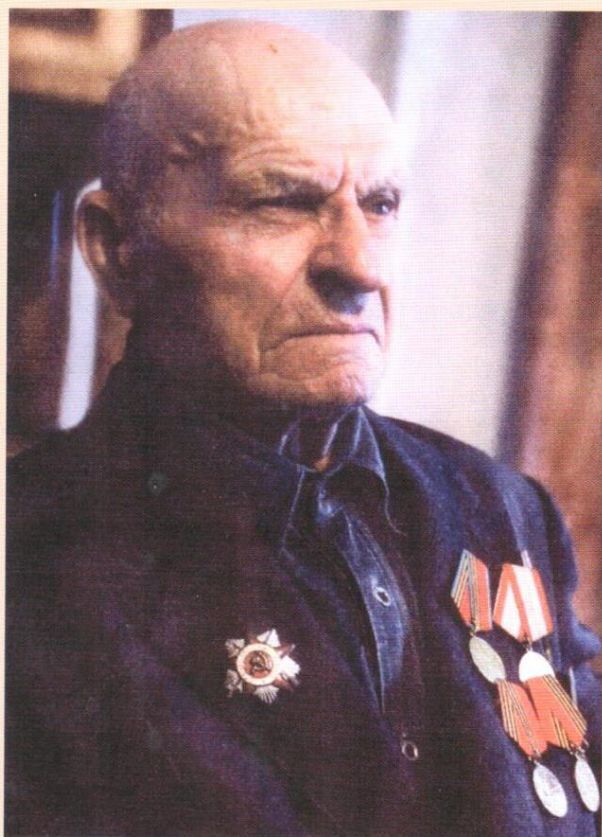
ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор нескольких очерков в нашем журнале.

▲ И.Ф. Ковальчук

нен, попал в госпиталь. Выздоровли-
вавших бойцов привлекали к обхо-
ду квартир. Солдату на всю жизнь за-
помнилось, как они находили трупы.
В одном из домов патруль обнару-
жил девочку. Сначала ее тоже приня-
ли за мертвую: она лежала между те-
лами матери и бабушки. Однако ре-
бенок оказался живым. Девочка объ-
яснила, что с умершими ей не так хо-
лодно и страшно.

Из Ленинграда Дмитрия Ива-
новича вывезли по Дороге жизни.
На Большой земле голодающим пер-
вым делом показали еду, объясни-
ли, что ее на всех хватит, и попроси-
ли потерпеть: не есть помногу. Одна-
ко некоторые все равно не выдержива-
ли и, когда их никто не видел, набра-
сывались на продукты, а потом уми-
рали, так как ослабленный организм
был не в состоянии усвоить питатель-
ные вещества.

Дорога жизни спасла и Кирилла
Севастьяновича Меркулова. Сейчас
в еманжелинском Доме культуры ра-
ботает его дочь, Людмила Кириллов-
на. Это она стала хранителем истории
рода, где удивительным образом пе-
реплелись традиции донского казаче-
ства, события на революционной «Ав-
роре», блокадный Ленинград и труд
в уральском тылу.

▲ И.Ф. Юрин

◀ Сестра Меркулова

мальчик в матроске. В 29-м на память
напротив своего дома сфотографиро-
вались все жители. Центр, через доро-
гу Смольный, в коммуналке отноше-
ния строились по принципу «в тесно-
те, да не в обиде» и о войне еще никто
не думал — вот оно счастливое дет-
ство.

Даже летом 1941-го ленинградцы
не могли и предположить, что город
будет окружен. В первые дни и недели
бои шли далеко, на эвакуацию реша-
лись немногие. Меркуловы тоже оста-
лись в городе. В то время Кирилл уже
работал в научно-исследовательском
институте. Учреждение продолжало
действовать, и сотрудники должны
были выполнять свои обязанности.
Когда начался голод, предпринимать
что-то было уже поздно.

Кирилл Севастьянович потом
вспоминал, как люди падали замерт-
во прямо на улицах, как возили тела
умерших на детских санках, как ходи-
ли на Ладогу за водой. Нам эта карти-
на знакома только по кадрам хроники,
а двадцатилетний парень в блокаду
полностью поседел. Его и сестру Ека-
терину спасла от голода мать. Жен-
щина отдавала детям свой паек, а сама

Дедушка Людмилы Кириллов-
ны Севастьян Меркулов был с Дона.
Однако коня променял на морские
суда. В 1917-м он служил на «Авроре».
Его внукам, когда они ездили в Ле-
нинград, экскурсовод даже показы-
вал в матросском кубрике койку, ко-
торую на крейсере отвели Севастья-
ну. Отец Людмилы, Кирилл Севастья-
нович Меркулов, родился уже в горо-
де на Неве. Произошло это радостное
событие 19 июня 1921 года. На снимке
он четвертый слева в первом ряду —

▲ П.А. Дроздов. Таянды

▲ Д.И. Никитин

прорыва окружения не дождалась. Ее вместе с другими родственниками похоронили где-то на Пискаревке.

Кирилла по льду Ладоги вывезли из Ленинграда во вторую блокадную зиму, в 1942-м, когда их институт разбомбили. Молодой человек был ранен в ногу. В эту бомбежку погибла девушка, в которую он был влюблен. До конца своих дней он не мог забыть Антонину Петровну и все время сокрушался, что спасти ее не получилось.

Машины с эвакуированными и даже поезд, увозивший их в тыл, постоянно обстреливали. Каждую минуту люди ждали смерти. Но в тот раз все обошлось. Меркулов вместе с другими ленинградцами попал в Шадринск. Там лечился. Так как нога была серьезно повреждена, после госпиталя в армию его не взяли, а отправили в Челябинскую область, в деревню Селезяк Еманжелинского сельского совета.

Грамотных в колхозе было мало, и его назначили кладовщиком. Для юноши, мечтавшего о научной карьере, не самая завидная должность, и, по словам знакомых, сначала он думал вернуться в родной город к сестре, но обстоятельства сложились по-другому. В Селезяке он встретил свою будущую жену, Елену Кузьмовну. После войны с началом укрупне-

ния хозяйств и населенных пунктов семья переехала в Таянды. Несколько раз они ездили к своим ленинградским родственникам, бывали на Пискаревском кладбище, однако переезд не состоялся: дети, работа — все уже было связано с Южным Уралом.

Ни Ковальчук, ни Никитин, ни Меркулов не оставили записей о своем прошлом. Все, рассказанное здесь, известно с их слов или из воспоминаний родственников. Но судьбы ленинградцев в Еманжелинке раскрываются и через письма. Впрочем, об этом стоит поговорить подробнее...

В архиве Еманжелинской павленковской библиотеки хранятся три письма, написанные в разное время людьми, которые едва ли встречались. Тем не менее, у документов есть кое-что общее: их авторы — ленинградцы, эвакуированные на Южный Урал в годы войны.

Первое письмо — почти рассыпающийся от времени клочок бумаги. Однако именно у него самая счастливая судьба. Девочка Надя, Надежда Вениаминовна Михальчук, отправила его на фронт отцу. Неизвестно, в каких переделках побывало это послание, но боец сохранил весточку и приехал сюда за семьей с завет-

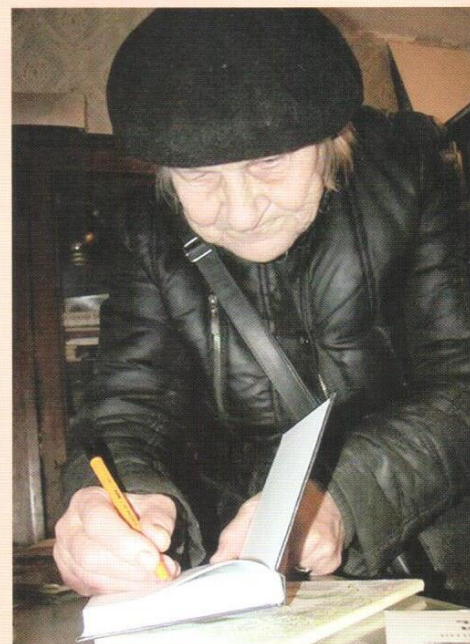
ным треугольником в кармане. Наверное, дорог был Вениамину Михальчуку рассказ о военном быте: «Здравствуй, отец. Пишу тебе. Мы живем как всегда. Кушать нечего, но я не жалуюсь. Вот высылаю тебе варежки. Ты их носи. Mamka молится, чтоб война кончилась и, главное, чтоб ты жив да здоров был. Я целый день мамке помогаю да варежки вяжу. Ну, все. Жди писем. Дай Бог тебе здоровья. До свидания».

Мы зачитывали эти строчки на программе «Ленинградские письма». Постаревшие дети войны слушали и вытирали слезы. О многом им напомнили слова Нади. О картофелине, которую какой-то шутник повесил на железнодорожном переезде и добавил записку: «Меня и жарят, и дубят, и мнут. Надоела такая жизнь». О наказах матерей обязательно поделиться скудной снедью с ленинградскими одноклассниками в школе. Об удивлении деревенских ребятишек, увидевших, как из детского дома целая делегация во главе с воспитательницей отправляется к навозным грядам на сбор шампиньонов: тогда деликатесные грибы считали здесь поганками.

К сожалению, саму Надю никто не вспомнил. Доходили слухи, что долгое время после войны семья Михальчуков жила в Челябинске: именно

Здравствуй отец
 Пишу тебе. Мои надежды все
 верны. Купили картошку, но не ма-
 нулось. Вот послала тебе вареники.
 Ты их ешь. Мама надеется
 чтоб война кончилась, а главное
 чтоб ты жив да здоров был.
 Я зимой тебе маме помогу,
 да вареники вышлю. Ну все.
 Хлопнула. Давай тебе до-
 любви. Досвидания

Здравствуй отец
 пишу тебе. Купили картошку,
 но не ма нулось. Вот послала тебе
 вареники. Ты их ешь. Мама надеется
 чтоб война кончилась, а главное
 чтоб ты жив да здоров был.
 Я зимой тебе маме помогу,
 да вареники вышлю. Ну все.
 Хлопнула. Давай тебе до-
 любви. Досвидания!

▲ Р.Д. Вдовина на презентации
своей книги

◀ Письмо Н.В. Ковальчук

во время войны в военном госпита-
 ле. Мне было тогда 5-6 лет, я помню,
 как бегал между кроватями в госпи-
 тале, там и спал.

Но в июле 1943 года (а может, это
 был 1942 год) мать разбудила меня,
 одела и повела: нас вместе со всеми
 взрослыми и детьми посадили в лодки
 и переправили на другой берег (бом-
 бежка была даже в это время).

Потом ехали в товарном вагоне.
 Поезд был очень длинный. Везли
 на восток. Мать ехала со мной, но до-
 рогой умерла, ее похоронили в Кур-
 ганской области, но не одну, поэтому
 фамилии ее не увековечили, а я остал-
 ся один. Отца я не знал, где искать.

Меня отправили в Курганский
 детский приемник, а потом — в Дал-
 матовский детский дом. В свидетель-
 стве о рождении написано «родители
 неизвестны», оно выдано было в пери-
 од нахождения в детдоме.

Пишу это заявление, чтоб в архи-
 ве нашли, кто мой отец, может, жив.
 А если погиб, то хочется, чтоб я счи-
 тался сыном погибшего во время Ве-
 лико́й Отечественной войны.

Да и хочется, чтоб корни мои были
 известны, ведь я не знаю отчества отца,
 а в имени матери сомневаюсь.

Если хоть в чем-нибудь мне помо-
 жете, я буду очень благодарен».

Теперь, когда Павел Александр-
 ович нездоров, поиски продол-

оттуда и было привезено письмо. Вро-
 де бы Надежда Михайловна пожела-
 ла оставить о себе память в местах, где
 провела детство, перед отъездом куда-
 то еще. Но радует, что Еманжелин-
 ка помогла сохранить счастье хотя бы
 трех людей, встретившихся на сель-
 ских улицах уже в мирное время.

Автор второго письма и сейчас
 живет в Таяндах, деревне, относящей-
 ся к нашему поселению. Он уже очень
 болен, практически никуда не выхо-
 дит. Но на протяжении нескольких
 лет он вел поиск своих родных и даже
 своего настоящего имени. Не случай-
 но ведь я до сих пор никак не пред-
 ставила героя. По паспорту он Па-
 вел Александрович Дроздов, но как
 звали его раньше, точно неизвестно.

Вот как рассказывает о себе сам Павел
 Александрович в запросе на поиск: «Я,
 Дроздов Павел Александрович, сейчас
 проживаю в Челябинской области, Ет-
 кульском районе, в д. Таянды.

Но родился и жил до 1943 года
 в г. Ленинграде. Отец, Дроздов Алек-
 сандр (отчества не помню), работал
 в руководящем составе города (пом-
 ню, он приходил с работы в костюме
 с белой сорочкой, даже сахар изредка
 приносил с работы), во время блокады
 Ленинграда его почти дома не было,
 чем-то руководил. Помню, на работу
 к отцу поднимались с мамой по широ-
 кой лестнице с коврами. Наш дом раз-
 бомбили.

Мать, Дроздова Александра
 (тоже отчества не знаю), работала

Рисунок Раисы Вдовиной

Всех она, бывало, одурачит
И одна за всех возьмет вину.
«По тебе, девчонка, плетка плачет.
Погоди, нарвешься на одну».

Да и что такое в ней имелось,
Что такую вызывало злость?
Только всем побить ее хотелось.
Только никому не удалось.

Последние годы Раиса Дмитриевна занималась бездомными кошками и собаками. В Интернете можно найти заметку про нее под заголовком «Поэтесса, две собаки и шесть кошек». На бродяжек, по словам знакомых, полностью уходила небольшая пенсия. И когда по социальным сетям прошло известие о том, что Раиса Вдовиная снова попала в больницу и на этот раз, скорее всего, оттуда не вернется, друзья принялись пристраивать по приютам четвероногих питомцев, а больше у нее, похоже, ничего и не было.

Спокойной ночи вам,
кто мил мне и далек,
Спокойной ночи вам,
кто близок мне и дорог,
Кто спит уже и кто еще не лег,
Над кем еще не спущен звездный полог.

Спокойной ночи, мой усталый мир.
Пусть счастье и покой к тебе вернется,
И стынувший в дороге пассажир
Пусть до надежной кровли доберется.

Спокойной ночи, звездная печаль,
Стоящая в созвездье Водолея.
Пусть сыплющий метелями февраль
Набьет себе подушек побеле.

Спокойной ночи, души и тела,
Спокойной ночи, кошки и собаки.
И пусть земля, свободная от зла,
Плывет и не заблудится во мраке.

Мне кажется, стихотворение-прощание могла бы поставить в конце своего письма сама Раиса Дмитриевна. Во всяком случае, эти строки больше говорят о характере автора, чем самые пространственные статьи.

А еманжелинские, таяндинские, селезякские ленинградцы очень отличаются друг от друга по характерам и жизненным обстоятельствам. Но в судьбе каждого из них есть и славный город, и небольшое уральское село. Пусть у них будет еще один объединяющий момент: эти и другие имена названы на «Ленинградской странице» в Книге Памяти Еманжелинского сельского поселения. **✍**

жает его внук. Надеюсь, что семье Дроздовых удастся найти хотя бы дальнюю родню.

О заочной переписке Раисы Дмитриевны Вдовиной и Владимира Петровича Шундеева я уже рассказывала (УС. 2015. № 7). Но с тех пор история получила продолжение.

Напомню, что в воспоминаниях Шундеева, учителя из Еманжелинки, названы фамилии нескольких ленинградских детей. Писал он и о Рае Вдовиной, девочке, любившей рисовать лошадок. Сведения скудные и, видимо, недостаточные для поисков, ведь куда я только ни обращалась с записками Владимира Петровича: в Музей блокады, ветеранскую организацию Петербурга, на форумы краеведов, а первая ниточка обнаружилась... — на портале «Стихи.ру». Когда мне передали стихотворное послание Раисы Дмитриевны к своему любимому учителю, я и догадалась набрать ее имя в поисковике литературного сайта.

Но наткнулась я на объявление о похоронах. 28 января 2015 года стихотворение «Первому учителю» впервые прозвучало перед зрителями, а ровно за неделю до этого Раиса Дмитриевна умерла. Через сайт удалось выйти на ее знакомых. Однако их ответы были неутешительны: да, была такая поэтесса, да, талантлива, но близких родственников нет, лучшая подруга умерла несколько лет назад, где находится архив Раисы Дмитриевны, неизвестно.

Жаль. Она так ждала весточки из уральского села. Наверное, ей было бы приятно знать, что здесь ее помнят.

Родилась Раиса Дмитриевна 22 июня 1933 года. Ее восьмой день рождения стал первым днем войны.

Вскоре они вместе с матерью уже ехали на Урал в эвакуацию. Отец к тому времени уже 4 года с семьей не жил. В Еманжелинке девочка пошла в начальную школу, в среднюю — в Ленинграде. Долго испытывала себя, выбирая между живописью и литературным творчеством. Объединить увлечения помог Московский полиграфический институт, который она окончила по специальности «книжная графика». Работала на заводе художественного стекла, в «Печатном дворе», военно-медицинском музее. Занятия поэзией не оставляла никогда. Публиковалась в «Неве», «Смене», «Дне поэзии», стала автором восьми стихотворных сборников. На сайтах нетрудно найти отзывы о ее стихах. Но так и тянет обнаружить строки, навеянные военными, здепскими годами. Возможно, это «Кони»?

Мне кони снятся — кони в каждом сне,
И в каждом сне я езжу на коне,
И рысью тряской езжу, и в галоп,
Мне хлещут дождь и ветер прямо в лоб.

И каждой ночью снова я в ночном
Дремлю пред догорающим костром,
И сосны над моею головой
Трясут, как встарь, вершиною седой.

Недаром одна из статей, посвященная Раисе Вдовиной, называется «Девочка, рисующая лошадок». Едва ли рецензент Раисы Дмитриевны читал записки Шундеева, но подмечена одна и та же черта. Не уральское ли это наследство, страсть к лошадям? Не в Еманжелинке ли было это ночное? Может, наш бор встречал летом ленинградских ребятишек нехитрыми деревенскими развлечениями?

А если отсюда строчки про бедовую девчонку, которые читала сама Раиса Дмитриевна?